

Содержание

Роль	7
Неумолимая и беспощадная	13
Листопад	22
Счастье	29
Мастер сюжета	34
Ремесло сценариста	42
Поэт и биография	44
Поэзия и будущее	48
Еще о поэтах	50
Утренний диалог	53
Финал ненаписанной новеллы	55
Новеллы, состоящие из одной только первой фразы	57
Ключ	58
Долг	61
Посол доброй воли	70
О чашке воды и награде за нее	75
Петербургские анекдоты	78
Отдельно	95
Вдвое больше — и ничего	103
Объяснение в любви	117
Прежде, давно, в лета моей юности	127
Вместо мемуаров	131

Смелая женщина до сорока лет	145
«Мемуарист»	150
Имя-фамилия	170
Женщина и песня	182
Савкин и Савицкий	185
Клофелинщица и гад	192
Рондо о счастье	205
Развилка и риск	210
Фундаментальные диалоги	224
Ковер и паркет	229
Свар, или Обмен	239
Настоящий мужчина	247
Китайский интернат	259
Обратная связь	266
Профессионал	270
Ложка в ухо, или Ужасы долгосрочности	272
Голос с другой стороны	274
Секреты и советы	284
Ровесники	290
Статистическая правда и личная ложь	342
Поступок	346
Примерно раз в три месяца	353
После венчания	355
Мечты	360
Диалоги, диалоги	365
Терпение и выдержка	367
Булгаков и мемуары	370
Бесконечные игры	375
Отвратительное слово — автофикшен	378
Оказывается, есть новая категория	381
Соцреализм! Хоть имя дико...	383

Денис Драгунский

Главная тема	386
Бессмысленное изобилие	389
Искусство как инструмент устойчивости режима	392
Но почему именно я?	395
Фестиваль	398
Этот сырой осенний вечер	400
Jamaïs vu	401
Был в моей жизни один честный коммунист	403
Кремень	405
О разнице между «советским» и «антисоветским»	408
Ужин	411
Репутация дороже!	424
Мораль — вопрос количества	426
Проницательный	429
Случайное мимолетное подслушанное	431
Бронзовые люди	438
Конспект	456

**СМЕЛАЯ ЖЕНЩИНА
ДО СОРОКА ЛЕТ**

ars longa, vita brevis

РОЛЬ

Когда Настя Смурьгина узнала, что к ним приезжает Вячеслав Эдуардович Меркуцкий, она даже не надеялась, что увидит его своими глазами. Воочию, так сказать. Что попадет в зал, в котором он будет выступать перед здешними театральными деятелями. Потому что приезжал он не к «ним» — Настя работала в заречном ТЮЗе, — а в старинный и почтенный Губернский Академический. Смешное название — «заречный ТЮЗ». Это был филиал городского Театра юного зрителя, пять лет тому назад открытый в новом районе города, за рекой, где были сплошные при заводские спальные, и вот начальство решило те места окультурить: пожалуйста вам театр. Настя устроилась туда сразу после выпуска.

Хороших ролей у нее не было, хотя она всё время заявлялась. Но главреж ее не жаловал: особо не затирал, но и не пускал вперед. Правда, она с двумя подругами иногда выступала в клубах — стихи современных поэтов и даже композиции по пьесам. Один раз была заметка в газете, с красивой фотографией. Но — пока всё.

А Вячеслав Эдуардович Меркуцкий, сокращенно ВЭМ, как звали его поклонники, — это был не просто знаменитый режиссер, профессор-педагог и всё такое — он был еще, извините, мировая звезда. Ставил не только в России, но и в Европе, и в Америке, и даже, помимо своего московского театра, руководил одним итальянским и двумя турецкими. Если дирижерам можно, то почему режиссерам нельзя? Конечно, тоже можно! И вот ВЭМ зачем-то решил заехать в их город.

Настя услышала мельком, что главреж их Губернского Академического как-то проштрафился и не исключено, что его снимут, а ВЭМ станет из Москвы худручить. Вот какой великий ВЭМ! Настя в это верила, и надеялась, что все-таки сможет с ним встретиться и ему показаться. Потому что она была убеждена — только художник такого масштаба сможет разглядеть ее талант. Но другие шептали, что всё наоборот. Это ВЭМ сильно проштрафился, и его, как говорили в старые советские времена, «скинут на низовку», то есть сошлют сюда. Вечно великих не бывает!

В это Настя не верила. Она обожала ВЭМа еще с тех пор, когда в Москве случайно попала на его спектакль, а потом пересмотрела всё, что могла. И что не могла — тоже: заграничные постановки куточками скачивала в интернете.

Когда она узнала, что ВЭМ приезжает, она сразу записалась к нему на мастер-класс, но ее кто-то вычеркнул. Нечего было и думать попасть на фуршет

после главной встречи. Но на самую встречу она все-таки попала. Вы не поверите, но она угодила в седьмой ряд, перед широким проходом — лакомое место! — да еще в самую середину. Как? До смешного просто. Она стояла у стены, в толпе таких же поклонников и поклонниц, которым не досталось сидячего места, и вдруг, когда уже стали гасить свет и освещать сцену — увидела, что в седьмом ряду два кресла свободны. Наверное, какое-то начальство не пришло. Она, с колотящимся сердцем, но с прямой спиной и гордым взглядом прошла и уселась, и никто ей слова не сказал. Наоборот! Какой-то седой дядя слева поклонился и сказал: «Здрсссте».

На следующее утро она написала ВЭМу в «Телеграм»: просто поблагодарила за прекрасное выступление.

О ужас! Он ей ответил. Почему? Неужели он отвечает на все письма, даже от незнакомых? Или, наоборот, великий-то он великий, а письма ему не пишут — опасаясь величия и заранее зная, что ответа не будет? Или просто она на аватаре была очень, просто очень хорошенькая?

Заранее скажу, что Настя этого так и не узнала. Хотя узнать имела все возможности. Потому что между ними началась частая и подробная переписка. Он расспрашивал Настю обо всем, особенно же о пьесах, спектаклях и ролях, а также просто о жизни. Просил присылать фотографии. Кусочки видео, где она играет. Рассказывал и о себе — настолько искренне, насколько был к искренности способен — в его-то годы и с его-то славой.

Денис Драгунский

И вот однажды.

И вот однажды...

И вот однажды, перечитав очередное Настино письмо, Вячеслав Эдуардович, он же ВЭМ, посмотрел на ее милое лицо и подумал — наверное, это и есть тот подарок, который ему сделала судьба на закате дней. Он написал: «Настя, скажите, а о чем вы по-настоящему мечтаете? Вот честно. Вот как на духу. Можете рассказать?»

Она ответила: «Мне нужна хорошая роль».

Подождав чуть-чуть, он написал: «Хотите сыграть роль молодой актрисы, которая вдруг полюбила пожилого — да уж что кокетничать! — старого, но знаменитого режиссера? И согласилась выйти за него замуж?»

Настя написала: «Нет. Не хочу».

Он написал: «Простите. Забудьте».

Она тут же ответила: «Роль — не хочу! Зачем вы называете это ролью?»

Он написал: «Тогда пришлите, пожалуйста, ваши паспортные данные, я закажу вам билет до Москвы».

Разумеется, он встречал ее с цветами. Конечно же, их ждала черная машина.

Когда они вошли в его квартиру, из комнаты в конце коридора вышла красивая женщина лет пятидесяти, в домашних брюках и тонком свитере.

У Насти внутри всё оборвалось и рухнуло.

— Ниночка, привет! — сказал ВЭМ. — Объясни Анастасии Дмитриевне, как у нас тут всё устроено, а я побежал, мне в Минкульт, а потом репетиция.

Ниночка, то есть Нина Васильевна, оказалась домработницей. Ну или помощницей, если вам больше нравится. Настя первый раз в жизни сидела за столом и завтракала, чтоб ей подавали, и спрашивали, какой крепости кофе, со сливками или без, и подогреть ли сливки, или лучше холодненькие.

Вообще всё было первый раз в жизни.

Первый раз в жизни — дорогой магазин одежды.

Первый раз в жизни — вечеринка со знаменитостями.

Первый раз в жизни — маленький бассейн на даче.

И конечно, первый раз в жизни — ощутить себя избранницей великого человека. Это было так прекрасно, вдохновительно и упоительно, что она потом не могла сама себе ответить, хороший ли был секс. Этот вопрос казался глупым. Не хороший, а просто небесный!

Эти первые разы так закрутили Настю, что она как будто бы забыла про свою работу, про свои театральные мечты.

Но через полмесяца примерно вспомнила.

— ВЭМ! — она так звала его дома, и он не возражал. — ВЭМ, ты не забыл, что я все-таки актриса? Мне нужна хорошая роль! В хорошем театре.

— Роль-роль-роль, — он наморщил лоб. — Театр-то не проблема, а вот роль? Хм. Да ради бога. Любая роль. Ткни пальцем.

— Пальцем? Куда? — она не поняла.

— В список лучших женских молодых ролей. Пожалуйста! Хоть Офелия, хоть Корделия! Хоть Кате-

Денис Драгунский

рина, хоть Нина Заречная. Хоть Гедда Габлер, хоть Бланш Дюбуа. Пожалуйста.

— А кто сейчас ставит «Гедду Габлер»? — спросила Настя.

— Да понятия не имею. Никто, наверное. Но я скажу — поставят. Мне только трубку снять, они передо мной как цуцики. Поставят, еще как! С тобою в главной, она же заглавная, роли!

— А ты сам не хочешь поставить «Гедду Габлер»?

— Нет, прости.

— А почему?

— У меня сейчас выпуск в Щепке. И еще новое прочтение «Травиаты» в Мюнхене.

— А если не сейчас, попозже?

— Я не очень люблю Ибсена.

— Слава! — она в первый раз назвала его по имени. Не ВЭМ, не «любимый», а просто Слава. — Скажи, Слава, а я — хорошая актриса?

— Ну... — вздохнул он. — Так...

* * *

На том и разошлись.

Спасибо не расписались. Не успели. Только заявления подали.